

84(2Рос-Рус)6

К К60

Борис Колмаков

ХАРИЗМА

Б.В. Колмаков

ХАРИЗМА

Повесть

Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2008

Государственная
библиотека
Югры

03

Государственная
библиотека
Югры

КО

8/к

ББК 84(2Рос=Рус)6
К 60

*Книга издана при финансовой поддержке
Фоменко Владислава Владимировича.
Особая благодарность депутату Думы
Нижевартовского района Ярош Сергею Ивановичу*

Рецензент

доктор филологических наук, доцент *О.М.Кульшишева*
(Нижевартовский государственный гуманитарный университет)

Колмаков Б.В.

К 60 **Харизма:** Повесть. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2008. — 32 с.

ISBN 978-5-89988-557-2

Повесть «Харизма» написана коренным жителем села Корлики Нижевартовского района Борисом Колмаковым, который с детства «одарен слухом к свисту птиц и дыханию трав». Она основана на многолетних наблюдениях за живой природой и призвана показать, что человеку дано познать себя только через познание мира. Духовный путь человека осознается Колмаковым как поиск гармонии с природой, а представление об экологии связывается с понятием экологии души.

Сказка может быть интересна и, главное, полезна самым разным категориям людей, равнодушных к проблемам сохранения окружающей природной среды.

В целях экологического образования, воспитания и просвещения в рамках VI Международной экологической акции «Спасти и сохранить» Нижевартовский государственный гуманитарный университет поддержал издание этой книги.

ББК 84(2Рос=Рус)6

Компьютерная верстка *Е.В.Вилявиной*
Художник обложки *Л.П.Павлова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 24.12.2008. Формат 60×84/8
Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура Times
Усл. печ. листов 4. Тираж 200 экз. Заказ 836

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

ISBN 978-5-89988-557-2

© Колмаков Б.В., 2008
© Издательство НГГУ, 2008

От автора повести «Харизма»

В конце XX века появились книги сомнительного качества, финансовую поддержку которых обеспечивало дальнейшее зарубежье. Прочитав полтора десятка книг о современных авторах, я понял, что многие из таких произведений направлены на разрушение вековых устоев семьи — основной ячейки общества России. Приезжающие в наш сибирский регион часто спрашивают о звенящем кедре: «Действительно ли есть такое дерево?» Да, из кедра, в который ударила молния, делают музыкальные инструменты, однако звенящего кедра в природе не существует. Противопоставляю этому вымыслу свою повесть под названием «Харизма». Выбрав такую тему, я хотел выразить свое представление о смысле жизни, о предназначении человека и его взаимосвязи с природой. И все мы, и наши предки так или иначе связаны с «деревенским» прошлым, где каждый человек постигает смысл жизни самостоятельно, а душевно слепому этот смысл может так и не открыться до конца его дней. Чувство Родины растет в человеке в течение всей его жизни, с каждым новым простым открытием. Чем больше каждый из нас видит в природе, тем в большей степени сам становится Родиной, народом, тем духом земли, которым питается следующее поколение.

Борис Колмаков

Харизма

Весенний ветер качал верхушки остроконечных елей и пихт, и только могучие кедры не участвовали в этом вальсе зелёного океана тайги. На дворе стоял апрель, и маленький посёлок, один из тех, которых тысячи в России, затерялся в сибирской тайге. Ничего особенного в этом населённом пункте, медленно просыпавшемся от зимы, не происходило. Люди работали в бюджетных организациях, а в свободное время все мужчины ловили рыбу, охотились, ухаживали за скотиной.

Именно этой весной должны были на первых баржах приплыть геологи и нефтяники. Именно с этого времени нарушится вековой уклад жизни в российских селах, где в почёте были труд, воспитание детей. Ремесло давало возможность прокормить семью, используя природные богатства. Сенокос в жаркий июль закалял характер подростков и настраивал их на хозяйствование на земле, на которой они родились.

Дед Виктор, опираясь на посох, вышел на крыльцо, зажмурился от яркого солнца. Старик решил выйти на центральную улицу и возле калитки посидеть на лавочке. До обеда было ещё далеко, и подышать весенним воздухом деду Виктору было просто необходимо. В фетровых валенках и надетых на них калошах дед обошёл лужицу и присел на лавочку, возле которой была оттаявшая земля. Опираясь на посох двумя руками, он стал наблюдать за улицей: тысячи лужиц на дороге играли зайчиками; верба за его спиной показывала свои распустившиеся серёжки. Дед Виктор произнес: «Завтра Вербное воскресенье!» Чирикали воробьи, и от этой весенней суеты на душе старика наступало блаженство. Он вглядывался в улицу, скоро должен был прийти внук-третьеклассник Митька. В конце месяца деду Виктору стукнет восемьдесят. Анализируя свою жизнь, он считал, что прожил ее не зря, воспитал детей, нянчил внуков, построил не один дом и,

как модно сейчас говорить, посадил не одно, а миллион деревьев. Конечно, не хочется уходить на погост, хочется пожить еще. Напротив, через улицу, мирно жевали сено соседские коровы, и место, где они стояли, было сухим. В конце длинной улицы, которая называлась «Центральная», появился Митька. Он шел, держа в руке прутик, сильно топая резиновыми сапогами. Мальчишка месил снежную жижу, брызги летели в разные стороны, и брюки от этого были мокрыми. Увидев деда, Митька побежал быстрее. Ранец, набитый книгами, перекашивался на его спине. Радуюсь встрече с дедом, он протопал по луже и сел на скамью.

— Ну, как дела в школе? — спросил дед Виктор.

— Нормально, — ответил внук.

— А по математике какую оценку получил?

После паузы Митька что-то прутиком прочертил по луже.

— Это что? Оценка? — спросил дед Виктор.

— Да, — протяжно сказал Митька.

— Это же похоже на двоечку, это где ты такое видел, чтобы вилами на воде писали?

Митька снова провёл прутиком по луже, и дед Виктор, надевший, как обычно, очки, наконец узнал тройку.

— Ну ты, Митька, мог и на пять решить задачки. В нашей семье все учились хорошо и отлично.

— Да ладно, дедушка, я постараюсь, и тебе лично буду показывать дневник с пятерками по математике.

Тем временем далеко, а точнее, в конце улицы показался человек. Дед Виктор узнал в нём Федула Аркадьевича — человека, который был лет на двадцать–тридцать старше него. Дед Виктор, приложив ладонь к брови, смотрел вдаль. Митька, узнав приближающегося человека, произнёс:

— Иисус идёт.

— Брысь, замолчи, — сказал дед Виктор.

Сам, продолжая смотреть вдаль, не убирая ладони, возразил внуку:

— Нет, это не Иисус и не бог, это харизма.

Митька не унимался:

— А что такое харизма?

— Это дар, данный свыше людям, которые правильно живут на земле и от которых исходит ветер благодати. Вроде бы ничего не сделал, но сказал лишь одно слово и как будто вылечил душу. Таких людей на земле мало, на пальцах можно сосчитать. Вот он еще пока далеко идёт, а ты смотри на него, да всё замечай.

Опустив ладонь, дед Виктор продолжал смотреть вдаль и вести разговор с Митькой.

Этот человек — Федул Аркадьевич — появился в нашем селе лет двенадцать назад. Никто не знает, откуда он пришёл. Жил он отшельником недалеко в лесу, вёрстах в семи. Чем питался — трудно сказать. Но говорят, что ловил рыбу руками, заготавливал кедровый орех, молот его в деревянной ступе и делал муку. Когда местные мужики узнали его поближе, все старались хоть чем-то ему помочь. Знали, что пенсию не получает, но он личным примером убедил всех, как можно прокормиться от природы. Федул Аркадьевич обладал неземной силой ума, наверно, и гипноза. Каждый, кто с ним общался, получал жизненные уроки, ему кланялись, спрашивая советы. На все жизненные вопросы он знал ответы. Однажды зимой, придя в село, он остановился, вытянул руку, открыв ладонь, в которой была корочка хлеба, и не прошло минуты, как к нему на ладонь сели два воробья, он медленно их поймал и засунул за пазуху полушубка. Те даже не пытались улететь. Все были в недоумении, а он так и пошёл в свою заимку. Температура воздуха в ту зиму понизилась до шестидесяти градусов, и казалось, что не только воробьи вымерли, но и лес оледенел, застыл навсегда.

— Пришла весна, он, как обычно, пришёл в село, и выпустил эту парочку — воробья и воробиху, и тогда люди поняли: старец не простой, а мудрый.

— Дедушка, а почему он людям не сказал о суровой зиме, наверное, потому что люди сами должны всё примечать?

— Пять лет назад умер мой друг фронтовик Семён, дед Виктор, промолчав, с удивлением показал пальцем в небо и спросил: «Откуда мог знать Федул Аркадьевич, что умер человек? Он пришёл на похороны, взяв холодную руку Семёна, положил пятак в ладонь и, скрестив руки, произнёс: «Это богу-Хорону отдашь, чтобы он тебя отвёз на небеса». Вот я теперь думаю: когда я умру, придёт ли Федул Аркадьевич ко мне? Проводит ли меня в последний путь? Дед Виктор замолчал. Тем временем Федул Аркадьевич приближался, бредущие ему навстречу две собаки не лаяли на него, а наоборот, завиляли хвостами, как будто это был их хозяин. Дед Виктор знал одну женщину, работающую в школе поваром, её одежда настолько пропахла продуктами, что собаки чуяли её издали и никогда не лаяли. А тут простой человек идет, и собаки его приветствуют. Федул Аркадьевич поравнялся с коровами, которые жевали сено, те замерли, провожая его взглядом.

— Вот видишь, Митька, какая харизма, даже животные чувствуют, что такой человек идёт.

Митька, сидя на лавочке, только и смог произнести:

— Да...

В это время Федул Аркадьевич поравнялся с дедом Виктором, который встал, и, сняв шапку, низко поклонился и левой рукой пригнул голову Митьки.

Федул Аркадьевич тоже остановился. Окрестив крестным знаменем деда Виктора, он произнёс: «Храни тебя господь, Виктор». И повернувшись, продолжил свой путь. Он шёл на запад, хотя никогда не ходил в эту сторону села. Все двенадцать лет дед

Виктор жил в восточном направлении — там, где восходит солнце, но сегодня он уходил в сторону заката. Дед Виктор стоял и смотрел вслед уходящему человеку, который оставил о себе самые добрые воспоминания, который стал ему родным, дорогим человеком. Теперь тот уходил, и что-то защемило у деда Виктора в груди: нет, это не сердце, боль отдавалась в левом плече, пронизывая грудь до лопатки. Дед Виктор от врача узнал, что это не сердце, это на нервной почве.

— Нужно выпить успокоительное,— сказал дед Виктор.

— Да и обедать пора,— добавил Митька.

— Да-да.

Они уже открывали калитку, на душе по-прежнему было тревожно. И дед Виктор не знал, что случилось, что повернулось всего несколько минут назад. Он вошёл в дом, разделся. Дочке сказал, что обедать будет позже, что плохо себя чувствует. Дочка быстро принесла успокоительное, дала запить, помогла прилечь на диван, поправив подушку. Дед ещё раз посмотрел в окно, которое выходило на запад, и увидел на горизонте солнце, а по бокам ещё два. Он знал, что на земле такое бывает, что это какое-то знамение. И тут понял, что Федул Аркадьевич ушёл из села навсегда. Двенадцать лет он учил всех нас, старого и малого, жизни; весь мир объездил, обошёл. И где появится — обязательно принесёт харизму. Дед Виктор понял, что Федул Аркадьевич, окрестив его знаменем и произнеся «Пусть Господь хранит тебя», дал ему понять, что думать и умирать ещё рановато. Дед Виктор закрыл глаза, и у него стали появляться живые картинки всех встреч с Федулом Аркадьевичем. Через минуту он уже похрапывал. Дочка, прежде чем убрать пустой стакан, накрыла отца пуховым платком.

Артисты, клоуны, шуты

Все реже, а точнее по большим праздникам, в село приезжали артисты, музыканты и театральные труппы. Все, кто дружил с Федулом Аркадьевичем (а это было все мужское население) всегда приглашали его посмотреть постановку театров или послушать концерты музыкантов. Он был человеком эрудированным, знал многих писателей XIX—XX веков, с некоторыми был лично знаком. Никто не знал о его возрасте. Его духовный мир, знания и умение жить притягивали к нему людей. Философия природы, жизни на земле были главными темами бесед. Ему рассказывали об актерах, режиссерах и музыкантах, а он слушал и всегда спрашивал: «Кто автор этого произведения?» Но, как назло, никто не мог вспомнить.

Кто-то говорил о харизме артиста, певца. Федул Аркадьевич в жарких спорах разъяснял:

— Вы когда читаете книгу, представляете образы героев произведения?

— Да, представляем,— отвечали собеседники.

— Человек по-разному воспринимает героев и по-разному представляет себя в их роли. Каждый режиссер видит по-своему. Есть «картина» — фильм «Тихий дон» был один, а теперь их два, а «Три мушкетёра» — их в мире около десяти, и каждый режиссер считает, что он снял фильм лучше, чем другой. Или вот книга: если произведение легко читается, если в нем заложены волнующие читателя мысли, заставляющие его думать, переосмысливать, ставить себя на место героев, сопереживать им — все это элементы мировой культуры. Это произведение живет веками, а значит, автор не умирает. Режиссер является постановщиком только своего понимания. Артисты — это «шуты». Они порой и дома, в семье, играют не свою роль. Сегодня он есть, а завтра —

не будет. И харизма исчезнет. Все больше певцов появляется на эстраде, чей творческий «день» короток. Обладают сильным голосом и умеют петь несколько человек в мире. «Да,— размышлял Федул Аркадьевич,— петь должен каждый человек, даже не умеющий. Если он занимается любимым делом и что-то «себе под нос» напевает, у этого человека здоровая «энергетика». Петь в старину считалось делом не зазорным, это ведь для здоровья полезно. Мы дышим не полной грудью, и когда человек вытягивает те ноты из глубины души, он тем самым укрепляет дыхательный аппарат. Это выброс негативной энергии, через песню человек становится добрее. Харизма — это божий дар, данный свыше людям, умудренным жизненным опытом, прожившим достаточно долго на земле, и данный простым людям, знающим святость земли, природы и людских душ. Этот человек не священник, он человек с большой буквы, он мудрец, проверенный временем. А какой-то чиновник, артист или певица — их завтра уволили с работы, вот и вся их харизма закончилась.

Федул Аркадьевич продолжал:

— У многих людей бывают жизненные неприятности, проблемы, и вот стоит такая женщина на автобусной остановке, в растерянности, не знает куда, в каком направлении ей ехать. К ней подходит уже немолодой мужчина, хотя на его руке есть часы, он спрашивает у нее, который час, и, не дождавшись ответа, всего несколько слов говорит о погоде. Женщина эту погоду не замечает; вскочив на подножку автобуса и прижавшись спиной к закрывающейся двери, она вдруг понимает, что только что с ней разговаривал человек счастья, который дал ей уверенность и направление в жизни. Мы все всегда понимаем «опосля». Если в человеке не звучит музыка, значит, он неживой. Вон включили свой «магтофон» (это так Федул Аркадьевич называл магнитофон: только и слышны одни маты). А ты попробуй нам сам напеть мотивчик. Ты подпитываешь себя музыкой, которая через день или месяц не

будет слышна. Она зарождает в твоей душе непостоянство, она как зеркало твоих встреч с девчонками, то с одной, то с другой.

«Шуры-муры», и ты не сможешь сделать свой выбор, ты — как твое непостоянство в музыке.

Посоветуйтесь, молодые люди, пообещали подарить Федулу Аркадьевичу плеер с наушниками и научить его менять батарейки:

— Будете слушать музыку.

Тот кивнул в ответ и произнес:

— Я согласен, но только классике.

На том и порешили.

Люди и их головные уборы

Даже влияние агрессивного соседа отражается на нашем характере. Что говорить о головных уборах: люди, живущие на севере, носят их почти девять месяцев. Об этом рассуждал дед Виктор, вспоминая слова, сказанные Федулом Аркадьевичем, когда однажды молодой паренек, односельчанин, попросил предсказать ему жизнь. Все знали, что Федул Аркадьевич, как человек ясновидящий и предсказатель, ответил, почти не раздумывая: «А что у тебя на голове? Такой ты, и такая же будет твоя судьба». И добавил: «Зверь, он убит давно, но он будет вести тебя по жизни, и твоя жизнь будет похожа на поведение этого животного».

Дед Виктор вспомнил случай из своей жизни. Работал он тогда на севере Якутии, в Верхоянском районе. На дворе был март, полярная ночь еще не сдавала свою территорию — Заполярье, и только в конце месяца должно было показаться солнце, можно сказать, на пять минут. И этот день для всех северных народов был праздником солнца, света. Все знали: вот она — пришла весна, хотя до подтаяк было еще далеко. Дед Виктор был в комиссии по подсчету колхозных оленей, стадо которых насчитывало десятки тысяч. Оленей загоняли в загородки, называемые «кораллом». И в узком месте, где мог пробежать только один олень, там стояли учетчики, и почти сутки, меняя друг друга, они вели учет государственных оленей. Работа тяжелая, но очень интересная. Выезжая из села деда Виктора, оленеводы надевали двойные унты. В северных регионах страны эту обувь называют по-разному. Вначале нужно на носок или стопу умело намотать траву, осоку, которую заготавливают летом, чуть подсушив; затем ее расчесывают деревянным гребешком, а зимой используют как воздушную прокладку между стопой и мехом унтов, сделанных из оленьих лап. Первая обувь надевается мехом вовнутрь, вторая —

мехом наружу — такие унты называют «топоры». Такое одеяние из оленьих шкур надевает человек и на свитер, мехом вовнутрь, и в конце надевает «малицу», сделанную из шкур оленя мехом наружу, здесь же — головной убор и варежки. Кто-то посмеется над таким одеянием, немного неуклюжим, но комфортным. Когда олени ускоряют бег на поворотах, склонах, в этой неказистой одежде можно выпасть из нарт. Оказавшись один на один с природой, человек может заснуть: обычно чувствуешь себя хорошо на снегу, и когда тебя найдут, спохватившись, ты поймешь, что такое экстрим. Северные народы веками принаравливались к суровому климату, и нам, жителям мегаполисов, есть чему у них поучиться. Однажды дед Федул взял да и выбросил эту траву, о чем пожалел позже, когда чуть не отморозил ноги. А как спать ложиться в тундре? Это целая наука. Ночью едим, а днем (когда тоже полярная ночь) спим. Ночью луна светит холодным светом, хотя и слабо, но освещает окрестности бескрайней тундры. В тундре нет деревьев, но когда мы пересекаем ручей, мы видим сухие низкорослые деревья, спиливаем их, укладываем на нарты замыкающего оленьего обоза. Когда луна садилась за горизонт и заканчивалась ночь, олени нарты устанавливали кругом, оленей не распрягали. Делали большой костер, ужинали. Когда костер прогорал, на оттаявшее место укладывали ветки карликовых берез, а сверху — оленьи шкуры. Ужинали молча, по кругу шла большая белая кружка с неразведенным спиртом. Дед Виктор отказался, но все оленеводы настаивали на своем. Он напомнил, что не пьет. Оленеводы пояснили, что спирт тягучий, даже запивать не надо, и ты согреешься. Виктор (тогда он был еще молодой), приготовив хлеб, сделал несколько глотков и почувствовал, что 96-градусный спирт не вызывает отвращения, легко пьется. Ровно через двадцать секунд в его желудке бушевало пламя, и тепло просто разлилось по всему телу — он отчетливо понял, что опьянел. Не делая резких движений, Виктор доел суп, выпил горячий

чай. Его движения были неуклюжи, ему показали место ночлега, все улеглись на шкуры, не раздеваясь, ногами в центр круга, накрывшись брезентом. Каждый приоткрыл брезент для дыхания. Эта ночь была очень холодной. Виктор хотел стрельнуть из ракетницы, произвести салют, который бы означал, что день был удачным. Но мощный курок ракетницы плавно опускался на боек. Старый якут пояснил: «Не меньше минус пятидесяти восьми. Даже ружье при таком морозе не стреляет». Виктор заснул сразу. По привычке проснувшись ночью (а это был уже «трудовой день», взошла луна), приподняв брезент, он увидел запорошенных оленей. Начиналась пурга. Про себя тогда Виктор отметил: «Как мудро устроен мир у аборигенов севера». Возможно, все это он никогда бы не вспомнил, если бы не одна премудрость северных народов: оленеводы шьют одежду из оленьих шкур, днем и ночью они живут вместе с оленями, их судьбы схожи. Когда наступала ночь, обоз уходил дальше на север, а луна, как правило, освещала с южной стороны. Виктор несколько раз за ночь менял полотенца, засовывая их под одежду, чуть-чуть оставляя на подбородке, где постоянно леденело. И так за поездку менял несколько полотенец. Старый якут посоветовал в следующую поездку обшить ободок малицы мехом росوماхи: «Однако инеем покрываться не будет». И он показал, как обшито у него. «Это свойство меха,— добавил он,— не покрывается инеем, когда человек дышит и не леденеет». Именно этот момент дед Виктор вспомнил: как приходилось менять полотенца, а после их сушить в юрте. Какие же все-таки умные аборигены!

Дед Виктор вернулся из воспоминаний к словам, которые говорил Федул Аркадьевич: «Помните, когда-то мы ходили в суконных шапках, изготовленных и пошитых из ваты? Все были равны: зек, солдат, инженер и учёный, а после того, как страна вышла из разрухи, после войны, стали разводить кроликов, они были и на мясо, и на шапки. Только вот кролики живут в сараях,

в вольерах, их кормят и после того, а точнее, когда решит хозяин кого забить. Наша страна была чем-то похожа на нас, кроликов, и хозяин у нас был генеральный секретарь. Эти первые шапки выдавали за заслуги в науке и образовании, в культуре и на производстве. Кого из нас решили повысить на работе, тому выдадут шапку по талону. Захотят зарубить в должности — «дадут по шапке». И все мы были кроликами в государстве. Потом мода нашла носить ондатру, даже женщины ходили в беретах. Однажды смотрю картину (это Федул Аркадьевич говорил про кино): показывают революцию 1918 года, показывают город Иркутск, и один из революционеров ходит с «револьвером» в ондатровой шапке. Но позвольте, друзья, ондатру в Россию завезли 1928 году. Вот такие дела,— он вздохнул.— Образ жизни пролетариата и особенности обитания ондатры схожи. Она имеет норы на речках и домики на болотах, с раннего утра плавёт подо льдом, зубами срывает корешки травы и несёт в свою отдельную столовую, спит в другом месте,— одним словом, настоящий пролетариат. Рабочие люди ранним утром в этих шапках потоком идут на завод, едут на буровые, работают целый день и только вечером возвращаются в свои семьи, уставшие, ужиная на ходу, засыпая, смотрят ящик (так Федул Аркадьевич называл телевизор). Это Трудяги с большой буквы.

Вскоре вошла в моду норка: шапки, шубы. Это было время перестройки. Все стали кооператорами и предпринимателями. Норка в природе хищница: только для себя, только себе. Если она погибает, то именно жадность ее губит. Плышет такая «штучка» по реке. Схватив ловко зубами рыбину, норка вылезает на лед и съедает свою добычу. За день она съедает три-пять килограммов. Но вот она подплыла к ловушке (которую в народе называют «мордой»). Там много рыбы, и пока она её ловила, начинает заканчиваться кислород. Она начинает искать выход, но погибает. Вот так и наши кооператоры хапали, но забывали про осторожность. И сколько их в стране обанкротилось?

А вот женщина стоит возле прилавка магазина в лисьей шапке. Две лисьих шкуры красиво выделяют воротник и свисают хвостами и лапами. Рыжим мехом лисицы отделаны рукава. И стоит она так, как будто лисица хочет выманить сыр из-под прилавка у продавца. Но просто как в басне Крылова.

А вот мода пошла на серебристо-черных лисиц. Кто-то их в природе называет чернобуркой. Да, есть такая лисица. Можно её назвать четырехцветкой, но черно-белую вывели путем скрещивания. Стоят в аэропорту две молоденькие девчонки, красуясь шубками, шапками. Сами себе завидуют, что так вызывающе красиво одеты. Но этот зверь выращен в клетке, и когда придет время, поспеет мех, его просто забьют. Нет, не палкой, а «гуманно» — электрическим током. А еще могут продать в другое хозяйство, чтобы там элиту обновила. Вот и подошел хозяин этих двух девушек, похож на банкира. Он, конечно, балуется, хвастается, кому-то может подарить из друзей, кого-то может, продаст. Сценарий жизни и ее финала таких серебристо-черных лисиц написан на клетке вольера зверофермы.

А вот дядя Федя-охотовед идет, он носит шапку из собаки. Заметили: пока собаку кормишь, гладишь, все хорошо, но только замахнулся палкой, он так тебя отлает (мужики в знак согласия с этой закономерностью кивнули головой). Тут дед Виктор вспомнил, но вслух не сказал: «Ему пошили шапку-ушанку из белочек, носить такую вещь нужно осторожно: быстро мех стирается, надевать и снимать нужно аккуратно, и только ладонями». Дед Виктор начал рассуждать: «Белочка, она ведь питается орешками кедровыми, семенами шишек сосен, грибы белые любит и для других заготавливает, нанизывая грибочки на сучки, там, где будет проходить беличий путь». Вообще, плохого ничего не делает. Дед вспомнил: когда три года он носил эту беличью шапку, какие у него были чистые помыслы, и он даже писал стихи, и просто в это время жилось хорошо, без груза на душе, и помыслы были, и

деяния хорошие. Он вернулся мыслями к разговору, который вел Виктор Федулович, и кто-то задал вопрос: «А вот того, кто носит соболиную шапку, как вы охарактеризуете?» «Соболь — это царский мех для бояр и для тех, у кого есть большие деньги. Это хищник — белочку поймает в считанные секунды. Её тушку не ест, а вот голову любит и съедает мозги. Бывает, крадется к глухарю, который спит под снегом,— и через секунду уже сидит на спине птицы, которая летит, но через несколько минут падает. Агрессия, злоба, все только для себя, прямо по головам, через людей — лишь бы насытиться».

Все задумались, а Федул Аркадьевич продолжал размышлять вслух: «А что, вы думаете, носят наши директора, председатели райисполкомов и другие чиновники?» Никто ничего не ответил. Федул Аркадьевич продолжал: «Они носят шапки из выдры». Может, помните, иногда женщину так называют. Выдра — очень хитрый и умный зверь. Заметит «затески» на дереве, возле перехода,— все, близко не подойдет, видит плохо, но запахи чувствует издалека. Чтобы её поймать в капкан, ставят его в воде, на тропе, где она срезает, укорачивает переходы. Именно в воде она не может почувствовать капкан, но если тот без зубьев, а её лапа устроена на конус, то вытащит в два раза. Если попалась крепко и мелко, то отгрызёт, не задумываясь, свою лапу. Застрелят в ручье — утонет, будет лежать на дне. Вот такой это зверь и недаром так называют женщину, если она решит мужу перечить. Такая жена хоть умрет, но будет стоять на своем». Федул Аркадьевич замолчал. После паузы добавил: «Она, как и норка, ловит рыбу: вот подплыла она к морде, залезла в нее, и съедает она по двадцать килограммов. Будем говорить, ворует по-крупному, но и тут жадность их подводит: кончается кислород, и она погибает. А помните, мужики,— продолжал Федул Аркадьевич,— когда за воровство в особо крупных размерах сажали в тюрьму председателей райисполкомов и директоров совхозов и предприятий. Все

они носили шикарные шапки из меха выдры. А вот студент бежит по парку в этой, как вы ее называете? Да, эту черную шапочку... Ну, она вязана из шерсти элитной овцы. Что студенту нужно? Любит быть в общем стаде таких же, как он, студентов. Думает, как бы еще на занятиях хоть стоя, но поспать. Как бы поест? Этот вопрос стоит всегда ребром. Как бы сдать зачет, экзамен?».

Тихо падал хлопьями снег, Федул Аркадьевич стряхнул его с седых волос и, как бы оправдываясь, сказал: «Когда сильный холод, воротник поднимаю, а когда сильный ветер, то что-то на голову нужно надевать и только на короткое время. Летом лучше надевать белый платок или белую шапочку».

Волосы у него были густые, в этом умном человеке была харизма, которая, словно из тысячи нитей, состоит из тысячи волос на его голове.

Земная любовь — свадьба

В нашем селе Федул Аркадьевич с большим уважением относился к одной семье, и тому было множество причин. В этой семье ему нравился паренек по имени Андрей, двадцати четырех лет от роду, и выбранная им пассия — Светлана. Казалось, ничего необычного не было в этой влюбленной парочке. Андрей работал директором музыкальной школы, Светлана — экономистом. Дело шло к свадьбе. И каждый раз, приходя в село, Федул Аркадьевич садился на лавочку возле дома родителей Андрея и вел разговоры о жизни то с Андреем, то со Светланой. Односельчане знали, что эталоном настоящей семьи были родители Андрея. На момент свадьбы сына они прожили совместно более двадцати пяти лет. Это, конечно, показательный срок. Семейное счастье — это когда все дома, когда родители находят удовольствие в любимой работе, а в часы досуга вместе с детьми штурмуют снежные трассы, ходят в походы, когда у каждого есть свои увлечения или, как сейчас модно говорить, хобби. В наше беспокойное время, сохранение семьи и ее единства — это редкость. Когда человек, помимо своей работы, отдыха, занимается творчеством, жизнь его становится радостнее, он возвышается над миром суеты. Как-то, сидя на лавочке, дед Виктор и Федул Аркадьевич рассуждали о земной любви. Сейчас, когда возраст стал зрелым, а мысли чистыми, они понимали, где молодые люди совершают ошибки. Да, живут вместе, пытаясь создать семью в 18—20 лет, однако вряд ли этот брак будет навечно. Дед Виктор вслух рассуждал: «Вон, мой младший сын учится в десятом, а уже спит с девушкой». И добавил: «Во весь рост». Федул Аркадьевич ему возразил: «Он что, должен спать с девушкой на полусогнутых?» Оба рассмеялись.

«Да, беда с молодежью,— продолжал Федул Аркадьевич,— мир изменился. Смотрят они этот, как его, «контютер». Дед Виктор его поправил: «Интернет». «Вот-вот, там такая пропаганда идет, направленная на разрушение семейных устоев. Мы, в молодости так наработавшись за день, придя домой, дотронувшись до кровати, уставшие, засыпали, а наутро пытаемся разжать кулаки и кажется, что мы всю ночь держали в руках топор, лопату или косу. Да, дела... И к чему мир катится? — продолжал Федул Аркадьевич. — Девки, они, конечно, изначально рождаются дурами, но если влюбляются, то любят насмерть. Можно позавидовать их упорству, преданности, и только после многих измен своей половины, они осознают, что мир другой».

Тем временем к дому подходили Светлана с подружкой Александрой. Первой повезло с женихом, а вот Александре, которая любит бесшабашного Митьку, будет трудно обрести семейный уют, да и сколько они смогут прожить вместе? Поравнявшись с дедушками, повернувшись, две девчонки, слегка подогнув колени, взявшись руками за кончики платьев, поклонились и поздоровались. Но уходить не спешили: знали, что Федул Аркадьевич должен что-то сказать. Он видел человека насквозь — об этом знал каждый человек в селе. Федул Аркадьевич обратился к Светлане: «Вот как вы повенчаетесь с Андреем, и ты станешь ему женой, не будь занудой, а то бывает так: проживут год-два, куда муж, туда и жена, как ниточка за иглочкой. Этого делать нельзя, чуть-чуть давай ему свободы, но контролируй ситуацию. Следи за своим внешним видом, чтобы он сам себе завидовал, что ты есть такая у него, чтобы гордился. И необязательно кричать на каждом углу про свою любовь, пусть это оценят люди, лучшим примером являются родители Андрея. Ты посмотри, как сохранилась его мама, хоть сейчас заново веди под венец, а это заслуга прежде всего мужа. Но нужно жалеть друг друга, не надо делить работу в доме на мужскую и женскую. И тогда все будет спориться,

и жизнь обязательно будет прекрасна. А вот и Андрей идет, сейчас ты от нас отойдешь и сделаешь вид, как будто ты подвернула ногу. Сможешь это изобразить?». Света кивнула: «Да, попробую». «И еще запомни: он тебя должен взять на руки и должен понести домой. И это будет всегда твоим контрольным смотром. Главное — редко, хоть раз в месяц, а можно и два ты должна протягивать руку и просить поцеловать, можно и ногу». Девчонки засмеялись. «Что смеетесь? Если человек любит, причем сильно, каждый твой пальчик, ушко, ноготок ему любимы и дороги. И это не как целовать в губы, в щечку, это выше и надолго». Девчонки откланялись, пошли в сторону дома. Андрей намеревался их догнать, но прежде поздоровался с каждым. Возле калитки Светлана присела, а Андрей уже бежал и, подскочив, спросил: «В чём дело?». Подхватив её на руки, он понес девушку в дом. Дед Виктор, повернувшись к Федулу Аркадьевичу, заметил: «А я и не сомневался». И добавил: «Добрых людей, их видно даже издалека, я просто хочу чуть-чуть подправить, приложить свои силы, чтобы в каждом селе была вот такая семья, на которую можно равняться».

А вскоре состоялся разговор с Митькой в присутствии Андрея. Митька все хвастался, что все его любят, и к той может пойти, и другая его ждет. Но Федул Аркадьевич его речь прервал: «Эй, Митька, вот ты сейчас хвастаешься и всех хочешь полюбить, и со всеми хочешь переспать, но ты ошибаешься, с каждым годом твоя любовь будет таять, а через год ты сможешь полюбить только девушек, еще через год уже только на двух сил хватит. А дальше — у тебя любви и сил не хватит даже на одну. Наверное, мне не доведется тебя после встретить, но мои слова останутся, спохватишься, а будет поздно. Понимаешь, Бог создал человека и мужскую силу дал только для создания пары, и ты должен это взять в начале семейной жизни за основу. И неважно: хочешь ты, не хочешь, есть у тебя настроение или нет, но ты должен выполнять

супружеский долг и утром, и вечером. Спать нужно с супругой на одной кровати, под одним одеялом — это основа единства семьи. Вот тогда тебя хватит до конца вашей семейной жизни. А это, запомни, не всем удастся сохранить. Ты идешь по легкому пути, каждый день девка у тебя новая, но на постоянство с одной у тебя сил и терпения не хватит. А вы помните, у нас был такой шофер, Раф его звали. Ой, как девок любил! Водил их и днем, и ночью домой. Жена уехала, а он не унимается, ну и прошло года два, спускаясь с автомашины, Раф ударил о подножку свой копчик, через неделю ноги отказали. Полежав в больнице, он выписался домой, врачи были здесь бессильны. А ездил по дому на инвалидной коляске, и никто ему продукты не носил, никто не навещался, и это ему наказание Божье. Как-то вот мы, старики, зашли к нему через полтора года проведать, и человека не узнать: он слез с коляски, сел на колени, стал плакать и молиться, и вспоминал свою жену. Девки-то они вон почувствовали неладное и ушли, и только кровушка — та, с которой расписан, повенчан, — она твоя последняя нить. Ну не знаю, помогли ли ему лекарства, а может, просто до Бога дошли его молитвы, и он над ним смилоствивился, чудом встал парень на ноги, вернулась семья, и все вместе стали жить дружно. Вот у него и спроси цену своего безрассудства».

Наступил день свадьбы. Столы стояли прямо на улице, весь двор был увешан плакатами, разноцветными шарами. После церкви, венчания и загса молодые и гости сели за столы. Только возле Светланы стоял пустой стул, гулянье не начиналось, все ждали Федула Аркадьевича. Может, кто-то спросит: а причем тут старец? Да он при всем: он ясновидящий. И если он благословит, считай, что беды и несчастья обойдут эту пару стороной. На Руси всегда чтители родителей и старцев: они знали жизнь не понаслышке.

Федул Аркадьевич не задержал гостей, бодро вошел во двор и всем поклонился. В хрустальный стакан ему хотели налить водочки, мне вон прямо из колодца, все смотрели с недоумением. А Митька бесшабашный не выдержал и выкрикнул: «Это же вода!» Федул Аркадьевич, подождя, когда стакан наполнили, сказал: «Митька — Фома ты неверующий! На, до конца выпей!» Митька подошел вразвалочку, взял стакан, залпом его выпил и, повернувшись к народу, сказал: «Точно, водка». Затем поставил стакан на стол и медленно пошел на свое место, но ноги его уже не слушались. Митька сел за стол, положил на него руки, на руки — голову и вмиг заснул. Все присутствовавшие, не отрываясь, смотрели на Федула Аркадьевича. Стояла тишина. Тот, наполнив второй стакан водой, поднял его и произнес тост: «Я знаю вашу семью много лет. Верю, что Андрей и Светлана будут любить друг друга до конца жизни. Это трудная дорога, но не всякой паре дано пройти её до конца. Уважаемые гости! Обратите внимание, как выглядит мама Андрея: как будто и не было двадцати пяти лет, за это время она не изменилась, и это — заслуга мужа, который ее любит. Сейчас вы увидите, как он ей поцелует руки за воспитание такого сына. Совет вам да любовь! Пусть солнце светит в ваши окна, пусть ваши дети радуют вас своими успехами, и низкий поклон родителям Светы и Андрея. Любить — это высшая оценка и похвала мужу». Он окрестил крестным знаменем молодых и сказал: «Горько!» Народ подхватил: «Горько! Горько! Горько!».....

Люди и механизмы

Если кто-то думает, что у живущей рядом с нами техники бытовой, колёсной нет души, то эти люди заблуждаются. Однажды рыбаки возвращались с рыбалки, и именно в том месте, где жил Федул Аркадьевич, мотор заглох. Двигатель не хотел запускаться. Мужики вышли на берег. Усевшись поудобнее, они наблюдали за Митькой, как он «шморгалкой» запускал двигатель и каждый раз ругался матерно («шморгалка» — это деревянная ручка, к ней прикреплена капроновая верёвка, на конце сделан узелок, который постоянно стегал то по спине, то по ноге Митьку, от боли тот негодовал). Мужики что-то с берега ему советовали, легкий туман потянул над рекой, быстро темнело. Всем было понятно, что придётся ночевать, быстро организовали сбор веток и разожгли костёр. Каждый знал, но не говорил вслух, что в каких-то двухстах метрах находится «заимка» Федула Аркадьевича. Никто из рыбаков не пытался пойти в ту сторону для того, чтобы попроситься у хозяина переночевать. Многие сельчане знали, что пришедший к его жилищу человек почувствует непонятный страх, занемеют ноги, резко разболится голова. Каждый знал, что Федул Аркадьевич — самый добрый человек, и всегда с ним приятно поговорить, но когда тот уходил в лес — всё, он ставил «защиту» на своё жилище, которое и охраняло его владения. Произошел однажды такой случай: двое родителей и дочка собирали грибы, девочка отстала, потеряла из виду родителей. Поблудив по лесу, она набрела на заимку. Когда родители спохватились, они нашли этот домик Федула Аркадьевича, где мирно на лежанке хозяина спала их дочь, а на полу стояла корзина, полная белых грибов, и девочка уверяла, что ей в гостях у Федула Аркадьевича было уютно, что всё в его домике ей понравилось.

Наступила ночь, но Митька не унимался, всё наматывал шморгалку на «моховик», дергал и дергал, пытаясь запустить двигатель. Мужики с берега кричали: «Остановись, если даже он запустится, куда ты поедешь? Темень-то непроглядная». Все мужики из рюкзаков выставили продуктовые припасы, уха тоже поспела, каждый ел молча и думал, конечно, о Федуде Аркадьевиче.

Подбросив несколько сучков в костёр, кто-то стал рассказывать интересную историю. Здесь, мол, неподалеку экспедиция делала переправу, дело было в крещенские морозы. Подтянув трактором бревна, наложив их вдоль и поперек на лед специальной «мотопомпой», заливали водой эту импровизированную переправу. Спустя несколько дней первая техника, перескочив переправу, повалила и смяла гусеницами молодой соснячок. Он никому не мешал, рос себе и рос, радуя людей своей красотой. Именно в этот момент от своей заимки шел Федул Аркадьевич, он прошел мимо стоящей техники, мимо импровизированного моста, пошел напрямую по тонкому льду, минуя зигзаг дороги. Водители тяжелой техники стали ему кричать, предупреждая об опасности, но тот махнул рукой и, не оборачиваясь, пошел дальше. Именно после его взмаха рукой вся техника, перешедшая мост и стоявшая на мосту более чем в двадцать единиц, вдруг ни с того ни с сего остановилась и заглохла, наступила тишина. Трактористы и механики забегали, что-то начали крутить, откручивать, но техника не работала. Тут Митька спросил: «А что случилось, что означал взмах рукой, почему заглохла вся техника?» Митька не унимался: «Как это возможно?» Рассказчик продолжал: «Двое суток техника стояла возле моста, уставшие трактористы, подумав про старца, поняли, что все связано именно с ним, и, в качестве примера, молодой паренек попытался пройти по тому месту на льду, по следу старца. И что вы думаете?.. Провалился! И все поняли, что это мимо них проходил непростой человек. Начальники экспедиции, еще несколько человек, отыскивали

в селе Федула Аркадьевича, упали на колени и просили, чтобы тот расколдовал технику. Митька произнес: «В наше время — колдовство... Чушь какая-то. Ну и ну».

Федул Аркадьевич им ответил: «Вы погубили столько живых деревьев, они вам не мешали. А впредь это послужит вам уроком, без надобности не рубите лес. А сейчас езжайте и знайте: если будете поступать так и дальше, вас будут преследовать неудачи и беды». «Все поняли», — молвили мужики из экспедиции. И что вы думаете? Вернулись к технике, и та заработала — вот такие бывают дела. Ночь прошла незаметно. Туман, с вечера завоевав речку, медленно рассеивался и отступал на противоположный берег. Защебетали птицы, наступил рассвет, и отчетливо было видно в речной глади отражение леса противоположного берега. Тут неожиданно появился Федул Аркадьевич. «Ну что случилось?» — спросил он. «Да вот, мотор не заводится». Федул Аркадьевич: «Это девки не заводятся, а мотор не запускается. А ты, Митька, подойди к мотору, погладь его, скажи очень добрые слова, он ведь твой друг, у него есть душа, вот ты к нему плохо относишься, наверное, даже матерно ругался, вот он тебя и не слушает». Сидящие у костра наблюдали, как Митька подошел к мотору, погладил, даже поцеловал маховик, куда заматывается шморгалка, и с первой попытки мотор запустился. Все соскочили и дружно крикнули: «Ура!» Прогрев двигатель, Митька его заглушил. Все собрались возле костра и стали пить чай, и первую кружку подали старцу. Тот поблагодарил и, не спрашивая нас, начал разговор: «К технике нужно относиться очень уважительно, если замок не открывается, нужно встряхнуть руки, потрясти пальцами, затем нежно взять ключ, легонько и медленно повернуть, иначе точно он не откроется. Ваш случай говорит о следующем: вас почему-то не хотел отпускать лесной, почему — я не знаю. Обычно бывает так: собрались люди на рыбалку или охоту, а вот то одно сломается, то другое. И это может составлять

череду препятствий. Значит, вас не хотят пускать в лес, есть препятствие. Значит, именно сегодня нельзя ехать, нужно перенести поездку». Никто из стоящих возле костра не задал вопросов. Мы попрощались с Федулом Аркадьевичем, оттолкнув лодку. Двигатель как ни в чем не бывало запустился. Мужики достали садки с рыбой, и лодка медленно стала набирать скорость, оставляя после себя след из мелких пузырьков. По дороге дед Виктор вспомнил случай, когда его сын Владимир много лет эксплуатировал лодочный мотор типа «Вихрь», но после этого купил «иномотор» (так называли иностранные моторы) и стал жаловаться отцу: «Все хорошо, с “полтыка” запускается, вовремя на рыбалку к поклевке довезет, вовремя назад вернусь, но чего-то не хватает, какую-то неудовлетворенность я испытываю, но не пойму, в чем дело». Спустя какое-то время Владимир выехал на рыбалку на отечественном моторе и, добравшись до места, обнаружил поломку мотора. Он говорил, что раз двести-триста пробовал его запустить. Его лодку подцепили проезжавшие мимо люди и доставили в село. Придя домой, Володя упал на кровать и заснул мертвецким сном. А наутро, радостный, объяснил отцу: «Отец, я понял, чего мне не хватало! Может быть, российская техника так сделана, а может быть, русская душа так устроена, чтобы мы, мужики, споря с мотором, его дергали, держали себя в физической форме. Какое я вчера вечером получил удовольствие от физической нагрузки! А я, когда ездил на “иномоторе”, думал: чего мне не хватает? Наш отечественный мотор, пока держишь его за “румпель”, руки трясутся от напряжения. А какое усилие при рулении нужно делать! Именно нам, русским мужикам, этого не хватает. Батя, помнишь, мы его хотели в речке утопить, когда купили иномотор, а теперь — нет, пусть он у нас остается, как частичка русской души».

Люди, погода, природа

Последние годы люди начинают понимать, что всё в нашем мире взаимосвязано. Как будто кто-то сверху смотрит за каждым из нас, кому-то помогает, кому-то вредит, препятствует в достижении целей, осуществлении желаний, прихотей. С каждым годом в наше село как в самое отдалённое, с сохранившейся природой приезжают охотники-любители. Весной и осенью они, как птицы, прилетают на открытие охоты, чтобы побаловаться ружьём, отдохнуть от городской суеты. На охоте они не столько «добывают трофеи», сколько ранят птиц, которые в итоге погибают. Раненая птица продолжает лететь, но вскоре, отлетев на достаточное расстояние, она падает замертво. Чтобы найти подранка, отыскать упавшую птицу, нужны особые навыки. Как правило, на очень большое расстояние улетающая птица падает в том случае, когда её тушку насквозь пробивает дробь или картечь.

В один из весенних дней несколько охотников пошли на поклон и за советом к Федулу Аркадьевичу. Он долго слушал каждого и что-то про себя отмечал. Выслушав более десятка рассказов рыбаков и охотников, он стал давать рекомендации, советы. Покачивая головой, Федул Аркадьевич произнёс: «Да... дела. У охотников есть свой бог, а точнее, богиня Диана, у рыбаков — Нептун, у леса — Лесной. Послушал я ваши рассказы — очевидно, вы их прогневали. Всегда нужно выполнять ритуал заدابривания как только вы вступите на землю, у которой есть свои дети: птицы, животные, а также грибы, ягоды, орехи. Испокон веков каждому человеку нужно бросить монетки: или это будет вода, или тайга. Вы что, за границей не были, где бросают монеты в фонтаны, море, чтобы обязательно вернуться? Все аборигены севера, планеты, Америки и Африки поклоняются богам, просят их

послать удачу, устраивают при этом жертвоприношения. Все аборигены, добыв птицу, обязательно щипают её на месте, чтобы вернуть перья в природу. Считается, что природа родит из этих перьев множество птиц.

Вот начнём с тебя, Николка. Когда мимо твоей избы проезжали аборигены на оленьих упряжках, они попросили тебя застрелить их старую собаку, потому что она старая, глухая и им уже не нужна. Они не стали на себя брать грех, а ты убил. И теперь понимаешь: ровно год прошёл, а удачи тебе не видно. К тебе подлетают гуси, утки, глухари садятся на сосну возле твоей избы, а ружьё твоё совершило грех. А вот твои дружки по указанию властей стали отстреливать бездомных собак в селе, и результат: испортили своё оружие, хотите — верьте, хотите — нет.

А ты, Сергей, первый раз такое «сафари» организовал своим дружкам из города. Радовались удачной охоте, добытой птице и рыбе, отстреленным лосям и оленям. Планы строили грандиозные на каждый сезон, но вы забыли про поклонение богам. Когда наступила осень, вы со своей бригадой выехали на груженой лодке, а точнее, на катере, где установлен был большой иномотор, но забыли поставить на защелку, чтобы на случай удара о «топляк», мотор мог откинуться назад. Результат: новый мотор просто срезало пополам. Одна часть даже утонула. Вечером у костра, выпив изрядно (видно, были в тоске), у одного охотника, который что-то вертел ружьё в руках, оно выстрелило, причем в ствол другого ружья. Итог: вам не повезло, вы плыли неделю на веслах. Наши действия не проходят бесследно, тем более если они разрушительны.

А ты, Константин? Вспомни, как ты добыл двадцать восемь гусей, но горючки на твоём снегоходе не хватило, чтобы доехать до села, и ты добирался пешком. Во-первых, ты неделю искал свой тарантас, ну и медведь закопал твоих гусей в болото, накрыв мхом, а когда пошел запах, он их съел. Речь не о твоём снегоходе,

а о том, что ты загубил примерно полторы сотни птичьих душ». Костя возразил: «Двадцать восемь гусей». «Нет, ты неправильно считаешь,— объяснял Федул Аркадьевич.— Осенью эти двадцать восемь гусей сопровождали клин, который насчитывал не меньше ста пятидесяти птиц».

А ты, Славик, кажется, двенадцать гусей сгноил, отобрав жизнь у птиц — и ни себе, и никому. Все вы задаете один и тот же вопрос: «Почему вам не везет?» И вот слушайте хорошенько: когда открывается охота, вы сможете выехать уже в пятницу на выходные и само собой на праздничные дни. Вы только что мне рассказывали, что, как правило, погода начинает портиться. Это она вас не пускает в свои владения. Все встает против убивающего человека. Вы заметили, что птица, она должна летать на утренней и вечерней зорьках — это было испокон веков, начало и конец сумерек. Она даже так и называлась — охота с вечерней зореньки. Но птицы восстают против ваших правил, они уже на зорьках не летают, они сменили космические часы, и теперь они летают днем, пока все охотники находятся на работе. А насчет рыбалки дела обстоят так: удача всегда сопутствует людям, рожденным под знаком земли и водной стихии. Обратите внимание: сегодня ты, Николай — телец, ездил на рыбалку со Славой — водоелем, и с вами ездил Юра — рыба. Вам здорово повезло? «Да»,— хором ответили мужики. «А вот завтра возьмите собой Константина, он — весы, и посмотрите ваш результат. Рыбаки всегда должны заниматься благотворительностью, пойманную в излишестве рыбу нужно давать нуждающимся людям, старикам, инвалидам. И тогда вам будет сопутствовать удача. Вот скажите мне: зачем вы ездите в лес?». Тут мужики наперебой начали объяснять: водочку попить, отдохнуть, пивка глотнуть, оторваться от нудной работы, по бутылкам пострелять, ну и конечно, что-нибудь подстрелить. А один мужик признался: «Меня жена на порог с птицей не пустит, хоть выбрасывай».

«Так вот, слушайте меня: человек приходит с ружьем в природу, чтобы получить заряд энергии, а стрелять нужно только для пропитания, иначе у вас будут проблемы, о которых вы мне только что рассказывали. И пусть Господь наставит вас на путь истинный для пробуждения чистой природы, ума и чистого сознания человека-хозяина, живущего на земле».

* * *

Дед Виктор проснулся, подошел к окну, которое выходило на запад. Солнце уже село, но столб какого-то неестественного свечения оставался на небе, и старик понял: Федул Аркадьевич ушел навсегда, он выберет себе новое местожительство, будет давать уроки мудрости людям, живущим на земле.

Боль в левом плече отступила. Еще раз он вспомнил сон, точнее, это были воспоминания и все, что сохранилось в его памяти. Он вспомнил так, как было на этих встречах, и только сейчас он отчетливо понял: ему мудрец передал право словом и делом помогать людям. Дед Виктор перекрестился. Нет, не на икону, а на окно, смотревшее на запад. И поклонился старцу — Федулу Аркадьевичу...

После осени-зимы придет весна, завтра будет новый день — Вербное воскресенье.

Содержание

От автора повести «Харизма»	3
Харизма	4
Артисты, клоуны, шуты	9
Люди и их головные уборы.....	12
Земная любовь – свадьба	19
Люди и механизмы.....	24
Люди, погода, природа	28

303392009

Государственная библиотека Югры

*Борис Викторович Колмаков
родился в 1955 году в селе Корлики
Чижневартовского района.
В 1972 году закончил Ларьякскую
среднюю школу.
Имеет образование по специаль-
ностям «охотовед», «экономист».
Работает в области внутреннего
туризма, тесно сотрудничает с
ЧТТУ.*